

Марина
СЕРОВА

**Тузы и их
шестерки**

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина С. Серова
Дожить до завтра
Серия «Секретный агент Багира»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166910
Тузы и их шестерки. Дожить до завтра: Эксмо-Пресс; М.: 2000
ISBN 5-04-004995-1*

Марина Серова

Дожить до завтра

Я скинула шелковый корейский халатик и медленно, с наслаждением опустила в благоухающее пенное блаженство. Вода в ванне расступилась, приняла мое тело и снова сошлась, надежно укрыв его и от изнуряющей июльской жары, и от всех этих подружек с их дачами, автобусами, детьми и комарами.

И тогда зазвонил телефон. Я, расплескивая воду, помчалась в прихожую.

– Алле!

– Извините, я ошибся номером, – пророкотал из трубки незнакомый баритон, и тотчас пошли короткие гудки.

«Уж не от Грома ли?» – подумала я, угнетенно наблюдая в зеркало, как стекающая с голого тела вода образует на полу маленькое Черное море. Время я еще не упустила, но и тянуть с выходом на связь, если этот звонок – «привет» от майора Сурова, не следовало.

Я пожалала плечами, водрузила трубку на место и направилась в ванную – быстренько превращать священнодействие в «помывку личного состава».

«Интересно, какое задание я получу на этот раз?» – попыталась сообразить я и снова опустила в уже начавшую оседать пену.

После быстрого и позорного провала разведгруппы в Югославии все мы стали как зачумленные – ни жизни, ни работы. Если, конечно, не считать жизнью воскресный «отдых» на даче, а работой – исполнение должности юрисконсульта Тарасовского Комитета солдатских матерей. Мне этого не хватало. И то, что работа в комитете – всего лишь «ширма», прикрытие, нисколько не утешало: уж очень однообразной была моя жизнь. Армия штамповала отписки, как брила затылки, – одна в одну. Меры, разумеется, принимались: одних списывали, других сажали, отчего моя деятельность тоже как бы имела смысл. Если бы Мату Хари продержали в таком положении, сколько и меня, она бы набрала вес и в конце концов выскочила замуж за вражеского офицера. Чтобы избежать еще худшей судьбы «вечной запасной».

Я покончила с мытьем, наскоро вытерлась, накинула сарафан и шлепанцы и выскочила за дверь. Газеты еще продавались, и я, схватив две основные, помчалась домой, на ходу просматривая колонки частных объявлений. Так и есть: одно было обращено ко мне.

«Багира, спасибо за науку. Ты еще помнишь нашу опушку? Твой Балус». Это означало, что Гром назначил мне встречу в городском парке Тарасова – возле деревянной статуи танцующего медведя – «Балус». «Спасибо» означало подтверждение обычного времени встречи – 18.00.

Я стремительно привела себя в порядок и поехала в парк – благо от моего дома это не так далеко.

Гром подошел к месту встречи одновременно со мной.

– Здравствуй, Юленька.

– Здравствуйте, Андрей Леонидович...

– Ты одна? – Гром быстро и внимательно осмотрелся.

Он, конечно же, имел в виду возможный «хвост» – последнее задание прошло не очень гладко, и Гром предпочитал перестраховаться.

– А с кем же еще, Андрей Леонидович? Того хорвата вы мне отсоветовали, сами замуж не берете, – сделав вид, что не поняла его озабоченности, съехидничала я.

– Ю-юленька, заросшие боевики – дурной тон, – с укоризной протянул Гром, оставив за кадром укол в собственный адрес.

Мы неторопливо пошли по роскошной дубовой аллее.

– Ну что, Андрей Леонидович, где вы пропадали?! – поинтересовалась я.

– На даче, Юленька, на даче, – одними губами улыбнулся Гром.

– Опять? – вздохнула я. «На даче» языком Грома означало дачу показаний где-нибудь в генпрокуратуре. А из этого всегда следовало одно и то же: что-то где-то пошло не так.

«Не так» все пошло задолго до Югославии. Дурная манера начальства не держать слова, да и просто не исполнять своих прямых обязанностей стала традицией. Иногда и во все казалось, что все результаты наших трудов кто-то нагло и методично спускает в сортир.

– Когда работать начнем? – поинтересовалась я.

– А что, из Комитета солдатских матерей тебя выгнали?

– Я о настоящей работе, вы стрелки-то не переводите...

– Сегодня, Юленька, сегодня. Если ты, конечно, готова.

Душа моя ухнула вниз и снова взлетела – высоко-высоко!

– Чем хоть заниматься будем?

– Ты, Юленька, в порядке исполнения своих трудовых обязанностей поедешь проверять жалобы. Дня на три.

– Чьи?

– Матерей, Юленька, матерей – тех самых, на которых работаешь... Я ведь не ошибся: плановая проверка Воскресенского гарнизона назначена на июль?

– Верно, – поразилась я феноменальной памяти Грома; план проверок он видел мельком месяцев шесть назад. – Тот председательша обрадуется, если я соглашусь сама ехать: ей на конференцию надо, в Москву!

– Вот и отлично. Проверишь, конечно, своих солдатиков... а заодно посмотришь, как там с сохранностью оружия...

– Одним глазком? – издевательски подначила я. – Что я сделаю за три дня?

– Не кипятись. Я тоже подъеду.

На следующий день я получила «добро» председателя Комитета солдатских матерей Светланы Алексеевны, подписала бумаги и даже получила суточные.

Проверка совпала с проводимой губернатором кампанией

«Народ для армии, армия для народа». В последние недели под стариком закачалось кресло, и он решил опередить развитие событий и взять инициативу в свои руки. Поэтому в Воскресенский гарнизон направлялась целая делегация: отдел по общественным связям, военкоматовцы, кто-то из облфинотдела и целая банда журналистов «губернаторского» телеканала.

Народу набралось на два микроавтобуса и то ли пять, то ли шесть легковушек, но за мной, ввиду особого положения комитета, заехали отдельно. Замвоенкома майор Орлов прибыл на служебной «Волге» вместе с расфуфыренной дамой и сухим, ядовитым на вид клерком.

– Знакомьтесь, Юлия Сергеевна, – строго обратился ко мне Орлов. – Наталья Павловна – начальник отдела по общественным связям при аппарате правительства...

Я кивнула.

– И Юрий Иванович – главный ревизор облфинотдела.

На этот раз голову наклонил клерк.

– Ну что, Юлия Сергеевна, вы готовы? Тогда поехали.

Я нырнула на заднее сиденье – переднее замвоенкома не уступил бы даже родной маме.

Орлов невзлюбил меня с того самого дня, когда впервые увидел: беда в том, что наше знакомство состоялось, когда я учинила скандал по поводу призыва. Военкоматовцы умудрились «забрить лбы» четырнадцати абсолютно непригодным к строевой службе мальчишкам. Я это дело развернула,

и с тех пор Орлов здоровался со мной сквозь зубы.

Молодой солдатик-водила вел машину дерзко, но грамотно, соседей разморило, майор меня демонстративно не замечал, и я погрузилась в размышления...

Повод для контакта с ответственными за сохранность оружия в Воскресенском полку у меня был: из этой воинской части в комитет поступили две жалобы – от матери Василия Быкова из второй роты и матери Петра Скачкова из роты охраны главного объекта полка – резервных оружейных складов. По письмам выходило, что обоих притесняли, избивали, отбирали деньги и посылки из дома – в общем, стандартный набор.

В принципе, здесь я знала, что делать. Стремительный наезд на офицеров из второй, как можно больше суеты вокруг тяжелого положения Быкова... и рота охраны сделает все, чтобы я подобрела, когда буду проверять их по поводу Скачкова. А значит, будет стол, душевный разговор – обслужат по первому разряду. Я постепенно, по мере знакомства меняю гнев на милость, и все офицеры – мои. Главное: не сесть за стол сразу – на Быкове. Иначе мое общение этим столом и ограничится: дальше просто не пустят.

– Приехали! – сообщил Орлов, когда «Волга» ткнулась в полосатый шлагбаум КПП.

Основная колонна выехала в Воскресенск часа за полтора до нас, и поэтому мы несколько выбились из общей «культурной программы» и упустили возможность отведать

«хлеб-соль» на вышитом красными петухами рушнике или что там у них было при встрече.

Из домика у шлагбаума выскочил перепуганный боец.

– Дежурный по КПП ефрейтор Семушкин! – заорал он, поедая глазами майора.

– Понятно, ефрейтор, – кивнул в ответ майор. – Доложи: Орлов приехал.

Боец посмотрел на остальных членов комиссии: нас замвоенкома не представил.

– А с ним – двое штатских, – ядовито дополнила я, – и симпатичная «телка».

Орлов издал невнятный звук и поспешно отвернулся: похоже, он оценил всю глубину сарказма.

Я пододвинулась к нему и пихнула локтем в бок:

– Майор, ты когда дуться перестанешь?

Замвоенкома опешил, но быстро справился с собой и переключился на дежурного:

– Со мной члены комиссии из правительства и юрисконсульт Комитета солдатских матерей. Быстро доложить!

Через пять минут мы уже были у штаба полка. Как и следовало ожидать, войсковое гостеприимство не знало границ: похожий на Портоса командир полка мудро вел действие по четко размеченному руслу.

– Мы ведем наш репортаж из Воскресенского полка. Славные боевые традиции... – бодро вещала в телекамеру ряженая в камуфляж молоденькая журналистка.

– Настя, чуть правее встань, – прервал ее оператор. – Не закрывай плакат. Вот так. Еще раз.

– Прошу всех в столовую! – громко известил гостей командир. – Сначала завтрак, потом – работа. Да-да, Степан Петрович, охота завтра в пять; сбор у входа в гостиницу.

Это в мои планы входило, но – чуть позже, и я нахально дернула Портоса за рукав:

– Товарищ подполковник...

– Да, Юлия Сергеевна...

– Вы не забыли, что я здесь по делу? Меня ведь в первую очередь дети моих матерей интересуют.

– Де-ети, – насупился Портос. – Выгодно им быть детьми, потому что ответственность на себя брать не хотят – нормальную, мужскую.

– За что их время от времени и убивают, – доброжелательно поддержала я. – А мы с вами – на охоту и рыбалочку!

Портос окаменел.

– Петров! – заорал он. – Дежурный! Где начальник штаба?!

– Да здесь я, Виктор Иванович, – вынырнул из-за спины командира начальник штаба.

– Покажи Юлии Сергеевне всех, кого она пожелает! Кого вам подать?!

– Быкова, пожалуйста.

Портос досадливо крякнул и потер свою богатырскую шею.

– Что-то не так? – поинтересовалась я.

– В госпитале Быков, – посуровел Портос. – Со вчерашнего дня. Петров, отвези Юлию Сергеевну.

«Ну вот, – сказала я себе. – И напраслину возводить не придется; у них и без меня неприятности!»

Меня, как ту паршивую овцу, быстренько отделили от общего стада и посадили в полковой «уазик».

– В госпиталь, – распорядился офицер. – И побыстрее.

– А где замполит, товарищ майор? – поинтересовалась я. – Вроде в прошлый раз он со мной занимался...

– Тоже... блин, в больнице, – хмыкнул начальник штаба. – Поехал в отпуск, в Москву, да и слег. А мне теперь за него отдувайся! Вы не расстраивайтесь особенно, когда Быкова увидите: не так он и плох – больше «косит».

– Надеюсь, что так.

– А то ведь знаете, как считают: раз молодой, значит, все его обижают. А он и сам – не ангел. Его давно подозревали. А вчера поймали с поличным. И главное, гад, у своего призыва воровал! Ну и перестарались парни...

Машина выехала на бугор, и в узкой долине внизу появилась длинная череда низких, одноэтажных строений – это были те самые резервные склады. Я, залюбовавшись видом, пошарила глазами. Вот оно! На холме с той стороны долины слабо угадывались маленькие домики. А рядом – водонапорная башня. Оттуда можно при необходимости сутки-другие понаблюдать за складами... если бы у меня была эта лишняя

пара суток.

Серое здание гарнизонного госпиталя выросло перед нами как из-под земли, и даже зрелая июльская листва огромных тополей не могла скрасить впечатление: от госпиталя тянуло холодом, сыростью и запустением. Мы прошли по пахнущему эфиром и хлоркой коридору, поднялись по черной лестнице на второй этаж в кабинет главврача, и после короткой перепалки нас провели к Быкову.

На застиранных серых простынях лежал солдат. Выглядел он ужасно. Лицо его опухло и было расцвечено самыми жуткими оттенками – от грязно-желтых до зеленых и фиолетовых. Правый глаз налился кровью и, похоже, не закрывался. А из гноящихся порванных губ торчали обрывки шовных ниток.

Я присела к нему на край кровати.

– Вася, как ты себя чувствуешь? Говорить можешь?

Солдат попытался что-то сказать, но из губ вырвалось только невнятное сипение. Что-нибудь произнести он просто физически не мог. Я повернулась к начальнику штаба:

– Перестарались, говорите?

– Мы приняли меры: виновный на гауптвахте, идет следствие. – Майору было неловко: похоже, что реальное состояние Быкова он увидел впервые.

– Могу я с ним поговорить?

– С кем? – не понял он.

– С тем, что на гауптвахте, – не с Быковым же.

Майор пожал плечами:

– Поехали. – Похоже, что после этого зрелища ему уже было плевать, что еще я увижу.

Мы снова забрались в штабной «уазик», и машина помчалась, на этот раз вниз с холма.

Гарнизонная гауптвахта находилась недалеко от КПП, мимо которого я проехала не более часа назад. Увидев нас, караульный «на калитке» позвонил в звонок, и из дверей, как джинн из бутылки, выскочил лейтенант.

– Позвони дежурному по части, – мрачно распорядился начальник штаба. – Тут из Комитета солдатских матерей хотят с Щукиным поговорить.

Он уже одумался и определенно не хотел, чтобы я посетила арестанта, а потому пытался переложить всю ответственность на дежурного по части.

Начальник караула судорожно козырнул и стремительно скрылся за дверями.

– Нагнали молодняк после институтов, – непонятно зачем пожаловался мне майор. – Ни черта не умеют.

«Это ты не умеешь, майор, – подумала я, – с проверяющими „работать“. Как еще до такого возраста дослужил?»

Я пока не знала, что надеялась получить от предстоящего разговора. Может быть, чуть больше правды... Отец говорил, что правда полезна всегда.

На этот раз лейтенант задержался. Я знала, что происходит сейчас в штабе: дежурный по части перепугался на-

смерть и побежал советоваться с командиром полка. Тот, понятное дело, сорвал на дежурном зло, но пустить меня на губу сразу не смог. И не пускать не решился.

Наконец начкар вышел.

– Пойдемте.

Он повел нас по длинному коридору караулки, и попадавшие по пути бойцы вскакивали, увидев майора, и впадали в состояние ступора, едва замечали меня.

– Давайте сюда, – пропустил меня вперед начальник штаба и повернулся к лейтенанту. – Начкар, арестованного – в комнату бодрствующей смены.

Я осмотрелась: стол, стулья, шкаф, шахматы, двое перепуганных воинов... На стене – «Боевой листок», портянки – на батарее.

– Та-ак, – громко возмутился майор. – Лейтенант, портянки убери.

Начкар зарделся и моментально передоверил задание караульному:

– Семенов, убери.

– Я тебе сказал, лейтенант, – зло заиграв желваками, напомнил начальник штаба.

Начкар весь покрылся красными пятнами и молча вынес пахучий элемент солдатского обмундирования за дверь. Я усмехнулась: снять в карауле портянки – тягчайший проступок, и теперь ему будут «тыкать в морду» этими портянками при каждом удобном случае. Я присела на стул и прислуша-

лась: во дворе раздавались звонкие, как пощечина, команды:
– Встать! – грохот сапог. – Смир-на! Нале-во! Вспышка с тылу! – и снова грохот сапог. От губарей добивались абсолютного подчинения.

– Ну, где там арестант? – изобразила я недовольство.

– Сейчас приведут, – засуетился выросший как из-под земли начкар. – Сейчас.

И, как бы в подтверждение его слов, в коридоре раздался размеренный топот двух – трех пар сапог: вели арестованного Щукина. Он вошел, и в комнате стало темней: так велик был этот парень.

– Господа, – взялась я за дело. – Свидетели мне не нужны, попрошу всех, кроме арестованного Щукина, покинуть помещение.

Майор и лейтенант неуверенно переглянулись, но возражать не посмели.

– Ладно, Юлия Сергеевна, работайте, если что, я буду рядом, за дверью, – предупредил меня майор и вышел.

Мы сидели друг напротив друга, и я в очередной раз возблагодарила судьбу за то, что выросла в армейской среде – здесь все было понятно. Щукин сидел, тоскливо уставившись в окно, и, дыша перегаром, теребил черными от грязи пальцами подол новенькой гимнастерки.

– Ну что, Щукин, – прервала я затянувшееся молчание. – Расскажи, как это тебя угораздило...

– Да я уж десять раз рассказывал, – отстраненно хмыкнул

Щукин.

– Ничего. Одиннадцатый расскажешь.

– Да че там рассказывать? За руку его поймали вчера... он у Степы деньги стянул.

– Это я знаю. Но как это вы его до такого состояния додумались отделать? Пьяные, что ли, были?

– Ну.

– Да тебя ж напоить – не меньше литра надо!

– Полтора, – хмыкнул Щукин: этим он явно гордился.

– Сколько ж вы выжрали? – восхитилась я. – Ящик?

– Два, – вздохнул Щукин.

– Ну и сколько тебе светит?

– Комбат сказал: по нескольким статьям! – расстроился арестант.

– И какая самая тяжкая?

– Ну, эта... про оружие.

– Патроны, что ли, пропивали?

– Гранаты, – повесил голову Щукин. – Четыре штуки.

– Из вагонов?

– Да ну! Че там брать?

– Из машин? – предположила я.

– Не-е, в машине уже не возьмешь... это только на складе, при погрузке, – пока прапор не смотрит.

– И что, на четыре гранаты можно два ящика водки купить? – Цены на оружие я знала, и здесь, в гарнизоне, граната вряд ли стоила больше одного «пузыря».

– Ну да...

«Врет! – моментально поняла я. – Зрачки дернулись!»

Но ловить его на лжи немедленно было не с руки.

– А откуда узнали про гранаты? – моментально увела я разговор в сторону.

– Бычара заложил! – с ненавистью сказал Щукин.

– Быков, что ли?

– Ну...

Постепенно Щукин стал откровеннее. Я узнала и про всеобщих гарнизонных любимцев – собак, и про хавку, и про баню. Я узнала, где надо перелезть через забор, чтобы попасть в ближайший винно-водочный магазин, в какое время и где проходит патруль, каков режим работы складов – в общем, все, что знал Щукин. Ну и поняла кое-что сама.

Солдаты воровали боеприпасы часто, но понемногу. За лето четыре раза гранаты и патроны вывозили свои машины – на стрелковый полигон и на учения. Правда, один раз пришла чужая машина с армейскими номерами. В вагоны загружали малоинтересный массовому потребителю товар: ПТУРСы, зенитные комплексы, реактивные снаряды для «Урагана» – все большое, громоздкое и тщательно охраняемое. В то, что прапор – вор и сам приторговывает оружием, верили все, но за руку его никто не ловил.

– У вас бумага есть? – поняв, что беседа подходит к концу, спросил арестант.

– Есть.

– Я хочу маме написать – можно?

– Напиши... – Я достала из пакета папку, а из нее пару чистых листов бумаги. Положила рядом ручку.

Боец долго и аккуратно водил по бумаге и наконец протянул листок мне:

– Прочитайте. Там ничего такого нет.

– Да я верю.

– Нет, вы прочитайте, а то подумаете...

Я развернула листок к себе: «Здравствуй дорогая мама пишит тебе Саша у меня все хорошо служу как надо ты спрашивала когда приеду я ни знаю нам тут говорят вербоватца Югославию говорят много денег заплатят я пока думаю наверна завербуюс На 5 лет. Или на 7 я ни знаю. Привет Насте и Колянну. Досвидания твой сын Саша».

Я отложила письмо. Саша напряженно смотрел на меня.

– Как думаете, поверит?

– Не знаю. Может, лучше правду написать?

– Не-е, она старая, не выдержит.

– Ты хочешь сказать, что мать не будет волноваться, если сын в Югославии?

– Не знаю, – задумался Щукин. – Наверное, будет... Я еще подумаю, – решил он и, аккуратно сложив листок, упрятал его в карман. – Ну, я пошел? – вопросительно посмотрел он на меня. – Да. Пойду. А то из-за меня караульные два часа не могут посидеть. Мне-то че, я-то сижу.

Он встал и вышел за дверь – в объятия караульных.

«Ну вот, – подумала я. – Бери из прокуратуры данные и составляй отчет о преступном отношении руководства полка к задаче сохранности оружия и о запущенной воспитательной работе...»

До пяти часов вечера я просидела в кабинете начальника штаба батальона, того самого, в котором служили жертва и ее палач, – писала отчет. Мне привезли кипу документов, вплоть до медкарт. Щадить я никого не собиралась, и офицеры даже к комбату в соседний кабинет проходили печальным, похоронным шагом. Как рассказал комбат, в ту ночь, едва Щукин отлучился из каптерки «отлить», закрытый на ключ Быков, понимая, что «разговор» с ним продолжится, выбросился в окно и пополз к штабу полка. Дежурный по части нашел его на полпути. Вор и стукач Василий Быков отомстил, как мог: первое, что он поведал дежурному, – это о четырех когда-то украденных Щукиным гранатах.

А в 17.00 в дверь постучал хозяин кабинета – начальник штаба.

– Юлия Сергеевна, на ужин пойдемте, – просительно заглянул он мне в лицо.

Я озабоченно посмотрела на часы.

– Хотелось бы закончить. Ничего, если я подойду позже? Капитан начал что-то обдумывать.

– Мне совсем немного осталось. Ключи кому оставить – дежурному?

Капитан растерянно кивнул и скрылся за дверью. У ме-

ня был свой расчет: насколько я знала, такой «ужин» просто не мог закончиться раньше полуночи, и если я приду, когда публика уже «разогреется», то получу солидную фору.

К половине восьмого я решила, что пора, и вышла «на пайку» вместе с батальоном. Кинула дневальному ключи от кабинета и деловито направилась прочь: задержись я перед строем хоть на пару минут, и от меня остались бы рожки да ножки – все остальное бойцы просто объели бы глазами.

Ужин накрыли в офицерской столовой – рядом с гостиницей. Еще в прошлый приезд факт существования такой гостиницы в гарнизоне меня здорово удивил. Это означало, что командированных на главный объект полка – оружейные склады – приезжает много.

Когда я появилась, веселье было в полном разгаре. Лица членов комиссии покраснелись, глаза заблестели, и даже сухой и ядовитый клерк Юрий Иванович был исполнен энтузиазма и здорового боевого духа.

– Штрафну-ую! – закричал уже изрядно поддавший начальник штаба, и я охотно приняла доверху налитую рюмку.

– Офицеры! – Я торжественно оглядела столы. – Я делаю все, что в моих силах, чтобы матери не теряли сынов, а солдаты возвращались домой. Но это не значит, что я не вижу, какая доля выпала тем, кто сделал службу Родине своей судьбой. И в этом меня невозможно обмануть, потому что я сама – дочь офицера (пауза). Потому что я сама – офицер (пауза). Пусть даже запаса...

По залу прошел одобрительный ропот, а я, стремительно осмотрев столы, увидела то, что мне было нужно: офицеры уже «мои». Принятые «градусы» только усилили эффект.

– Я была в Калининграде, когда наши войска оставляли Прибалтику. – Офицеры превратились в слух. – И я помню, как оставалось все нажитое и отстроенное нами тем, кто никогда этого не оценит. Я хочу выпить за то, чтобы никогда больше российскому офицерству не довелось пережить подобный позор. Я хочу выпить за то, чтобы люди наверху (я подняла палец вверх) поняли, что не они – Россия, что истинная Россия – здесь! – Я закончила, решительно опустив ладони к самому столу, и мертвая тишина буквально взорвалась приветственными криками.

Через час я знала за этим столом всех. Размякшие от спирта простые служивые души потянулись ко мне, не в силах перестать радоваться тому простому, но такому важному теперь для них факту, что я – «своя».

– Юленька, пойдёте к нам! – тянули меня к себе сильные мужские руки тех, кто постарше.

– Юлия Сергеевна, – заглядывали мне в глаза симпатичные лейтенанты, – не хотите ли вина?

Наличие последних за одним столом со старшими офицерами, включая командира полка, меня несколько удивило. Но вскоре все встало на свои места. Все лейтенанты имели то или иное отношение к работе комиссии: один – отличник «боевой и политической», хоть сейчас в телекамеру, другой

– сын заведующего отделом в правительстве, третий как-то был связан с журналистами...

Все шло как по писаному, и уже к одиннадцати ночи народ отрывался, как хотел. Молоденькая журналистка Настя, начав с примерки фуражки, почти раздела командира роты охраны; дама из «связей с общественностью» отлучилась в гостиницу вместе с плотным, краснолицым майором, а я деликатно отбивалась от завскладом прапорщика Зимина.

– Это неуважение к Вооруженным силам страны... – настаивал прапорщик, подливая мне изо всех бутылок.

– Неуважение будет, если я упаду под стол и лишу себя вашей компании, Николай Иваныч!

– Мы вместе упадем, – заверил Зимин.

– И займем круговую оборону! – глупо хихикнула я. – Оружие у нас есть? Хочу «магнум».

– «Магнума» нет, только «макаровы» – подарить?

– А у вас что, есть лишний?

Прапорщик провел ребром ладони по горлу – мол, завались.

– Только у меня сейчас ревизия. – Зимин многозначительно ткнул пальцем вверх. – Округ проверяет...

Он действительно был пьян. И мне оставалось помаленьку подливать масла в огонь и копить услышанное в своей симпатичной головке.

В гостиничный номер я попала к часу ночи. Я поблагодарила своих еще час назад галантных, а теперь просто «ни-

каких» спутников и, сдав их с рук на руки какому-то подполковнику, захлопнула за собой дверь и обомлела: в моем кресле сидел... Гром!

– Я очень надеялся, что ты не притащишь с собой мужика, и рад, что не ошибся, – лукаво улыбнулся мой наставник.

– Не тот уровень задания, шеф, – гнусаво спародировала я переводчика шпионских боевиков с пиратских видеокассет.

– С сегодняшнего дня уровень повышается, – серьезно уведомил меня Гром. – А сейчас расскажи мне все, что узнала.

– А в ванную вначале можно? – смиренно поинтересовалась я.

– Сначала дело.

Я присела на кровать, вздохнула и начала. Гром молча слушал, ничем не выдавая своего отношения к проделанной мною работе. И только когда я рассказала все, что узнала – от распорядка работы складов и проверяющей их ревкомиссии из штаба округа до моих соображений по поводу возможности купить пистолет Макарова или несколько гранат, – он встал и закурил.

– В общем, так, Юлия Сергеевна, ваши данные отчасти совпадают с данными других участников операции.

– Брось, Гром! – взорвалась я. – Какие данные?! Пьяный прапорский треп? Пропитые Щукиным четыре гранаты? Это ты называешь операцией?

– До завтра, Юлия Сергеевна.

Я разделась и приказала себе спать: завтра мне нужна свежая голова.

Ночь прошла, как в кошмарном сне: я ворочалась, вставала, бегала к холодильнику, где предусмотрительно дожидались меня бутылки с минералкой, спрайтом и прочими облегчающими похмельный синдром напитками... И только под утро, приняв ледяной душ и открыв балкон, я отключилась как убитая.

Меня разбудили хлесткие команды сержантов и старшин – полк повели на зарядку. Я подошла к зеркалу.

– М-да-а, Юлия Сергеевна, – сказала я своему отражению. – Или ты срочно выходишь замуж, или через полгода такой работы тебя никто не возьмет. И тогда придется делать карьеру...

– Саттаров! Не отставать! – угрожающе пронеслось за окном. И я пошла в душ.

– Третья, бе-го-ом марш! – протянул развязный, наглый голос где-то рядом.

Грохот сапог бегущих солдат сопровождал меня, когда я занялась прической. Тут и раздался стук в дверь.

Я открыла – передо мной стоял Гром. Я молча пропустила его в номер и присела на кровать.

– Вот тебе задание. – Гром присел рядом. – Строишь из себя деловую, немного самонадеянную бабу, решившую подзаработать на посредничестве между торговцами оружием и покупателями. Выходишь на прапорщика и предлагаешь

делку. Любую.

– Это же провокация, Андрей Леонидович... – Я уже пожалела обо всем, что сказала вчера.

Гром молчал.

– Я ничего не понимаю! – возмутилась я. – Вам что – лишь бы посадить кого-нибудь? «В результате принятых оперативных мер для пресечения незаконного оборота оружия...» – ядовито изобразила я. – Тогда и Щукин с его пропитыми гранатами сойдет! Для отчета. Так, Гром?! И потом, ты же знаешь, к чему приводят внеплановые манипуляции с легендами! Напомнить?

– Юленька, – неожиданно мягко обратился ко мне Гром и взял за руку. – Это совсем другое. В этом случае нужна именно провокация.

Гром вышел, а я схватилась за голову. Если бы меня предупредили о видоизменении легенды хотя бы за пару часов до вчерашней гулянки, можно было и попытаться. Но теперь мне предстояло переплавить для прапорщика уже созданный образ немного взбалмошной, но в целом нормальной офицерской дочери в неизвестно кого. Впрочем, известно: в образ циничной, деловой, самонадеянной бабы. А такие психологические «перевертыши» редко приводят к успеху.

Когда я появилась в штабе полка, Портос уже громыхал там всюду:

– Что значит «не знаю»?! А кто должен знать – я?!

Я тихо подошла и так же тихо встала рядом – уж очень

грозен был полковой военачальник.

– Боюсь, у меня плохие новости, – крикнул и потер свою шею командир полка. – Ваш Петр Скачков сбежал.

Меня чуть не хватил столбняк. Пока я вчера очаровывала офицеров части, солдат этой части принял, возможно, самое важное решение в своей недолгой жизни. И если бы я заменила ужин внеплановой проверкой, что-то могло измениться. Но было уже поздно.

– Все обыскали? – взяв себя в руки, спросила я.

– Да.

– Надо еще раз пройти, – предложила я. – Госпиталь, столовую, склады... Может, он просто отсиживается где-то.

– Да, конечно... – согласился подполковник. – Если хотите, присоединяйтесь к начальнику штаба – он сейчас пойдет по второму кругу.

Мы обшарили все: каждую каморку пахнувшей распаренным жиром, мылом и алюминиевой посудой столовой, мрачный, сырой госпиталь и, конечно же, резервные склады. Специально на этот случай меня и майора сопровождал молоденький начальник караула. Лейтенант то забегал вперед, галантно распахивая двери разнообразных помещений, то изо всех сил старался сохранить вроде как необходимое в его положении достоинство. «Господи, как он еще молод, – застонала я про себя, – нет, как я немолода! 29 лет – это уже слишком!»

Я действительно обошла все и узнала даже то, где началь-

ник штаба третьего батальона хранит свой гражданский костюм, но рядового Скачкова из роты охраны не было нигде. «Деды», которым я устроила настоящий допрос, с кислой миной отводили глаза и сказали лишь, что Скачок был настоящий чмошник.

К пяти вечера все завершилось: моего подопечного на территории гарнизона не оказалось. Я попросила отвезти меня в гостиницу.

– Юлия Сергеевна! – окликнули меня у самого номера.

Я обернулась: ко мне стремительно приближался высокий, стройный офицер.

– Я слушаю.

– Это я, Гриша, – напомнил он. – Вчера вечером...

И только тут до меня дошло: точно, Гриша. Это был тот самый подполковник, который помог мне вчера избавиться от невменяемых провожатых. Шок последних событий отбил память об этой части вчерашнего вечера совершенно.

– Да, Гриша, я вспомнила, спасибо большое... извините, у меня был тяжелый день.

– Вам надо развеяться. Хотите, пойдём в ресторан? – вопросительно предложил он.

Больше всего на свете мне хотелось принять душ и рухнуть в постель. Но Гриша был проверяющим из штаба округа, и проверял он то, что меня интересовало больше всего, – склады. И, к сожалению, на этот вечер у меня были еще и рабочие планы. Рухнуть в постель не удалось бы все равно.

– Вы думаете, поможет? – неуверенно спросила я.

– Еще бы! – гоготнул Гриша, и это получилось у него так заразительно, что я тоже рассмеялась. – Ну вот и прекрасно! Спускайтесь вниз, я жду... у входа.

Я приняла ледяной душ, неторопливо переделалась, неспешно сложила в пластиковый пакет приготовленный на этот вечер бинокль, закрыла дверь и спустилась по лестнице. Судьба оказалась упряма: подполковник Гриша терпеливо дожидался меня, как и обещал, у входа в гостиницу.

Мы шли по тенистой улице в сторону вокзала – благо весь Воскресенск можно обойти за полчаса – и болтали. О кошках, тополях, бабочках и всякой подобной ерунде, не имеющей ровно никакого отношения ни к оружию, ни к отчетам, ни к проверкам. И, если честно, мне было хорошо.

Только у самого ресторана под стандартно-домашним названием «У Наташи» разговор смолк. Навстречу нам из стеклянных дверей вышел прапорщик Зимин с каким-то штатским, и этот штатский посмотрел на меня таким оценивающим взглядом, что Гриша сбился. Сбился, взревновал и начал безудержно хвастать своими служебными успехами.

– Зимин зря надеется! – почти кричал он, рассматривая меня. – Он думает, что если у него с командиром хорошие отношения, то можно...

– Тише-тише, – успокаивала я своего кавалера.

– Я его еще прищучу... – никак не мог успокоиться Гриша. – Пусть не думает!

Я, детально фиксируя всю информацию, тем не менее тоскливо оглядывалась по сторонам, но видела только агрессивно упертый в мой бюст бычий взгляд какого-то перебравшего местного качка.

В конце концов Гриша выдохся, и я смогла без оглядки на служебный долг поставить заключительный аккорд:

– Вот так. «В лесу – о бабах, с бабами – о лесе».

– Почему? – не понял подполковник. – А-а! Ну, так давайте о вас поговорим...

– Увы, моя работа еще менее романтична: солдатские фурункулы, инфантильная тоска защитников Родины по маме, недоедание, побои, побеги, смерть... и опять тоска, недоедание, побои...

– Но вы же еще и женщина, – с умным видом вставил Гриша. Я мотнула головой и безудержно рассмеялась: это его «еще и женщина» было великолепным!

– Поверьте мне, Гриша, – сквозь выступившие от смеха слезы сказала я. – Женщина-юрист – это совсем не сексуально. Скорее наоборот. Лучше отведите меня обратно... Хорошо?

Гриша с сожалением глянул на недопитый коньяк – беспощадная жара спала, и веселье в ресторане только начиналось.

Я разрешила проводить себя до почты, а оттуда пошла в сторону вокзала – Гром поручил подобрать явочную квартиру. Похоже, этот городок интересовал его очень и очень

сильно.

Арестант Шукин дал мне абсолютно точную информацию: используя ее, я даже ни разу не встретила патрульных. Это радовало: не в моих интересах было светиться перед кем бы то ни было. И в девять вечера я уже осваивала свою половину дома, сданную мне полуслепой и почти глухой старухой: старый диван, железная кровать с шишечками, салфетки, на подоконниках цветочные горшки... А в половине десятого я уже шла к примеченной мною старой водонапорной башне – хотелось оценить ситуацию на складах еще раз.

Двери на башне не было, но уже через десяток осторожных шагов по железной лестнице вверх вокруг стало совершенно темно: окна в башне были заколочены. Пахло ржавчиной, гнилым деревом и... человеком!

Я собралась в пружинистый комок и принялась. Да, это человек... мужчина... и это был военный: несильно, но отчетливо пахло портянками и кожей армейских сапог. Этот запах не мог перебить даже выпитый коньяк. Меня вдруг осенило, и я беззвучно рассмеялась: здесь мог быть только мой беглец.

– Петя! – крикнула я. – Скачков!

Ответа не последовало.

Я поднялась еще на пару десятков ступенек, внимательно осмотрелась и вывернула пару гнилых досок из оконного проема. Теперь вокруг стало светлее. Я поднялась еще выше.

На противоположной стороне башни, за железным ба-

ком, кто-то шевельнулся. Я рывком продвинулась вперед: у округлой стены стоял молодой, исхудавший до неприличия парнишка, нервно перебирающий в руках веревку с неумело завязанной петлей.

Я улыбнулась:

– Так... Петя, ты мне не поможешь?

– Я? – удивился несостоявшийся самоубийца.

– Ты ведь – Петя? – вопросом на вопрос ответила я.

– Да-а, – протянул боец.

– Ну, так ты мне поможешь или так и будешь стоять?

– А че надо делать? – испуганно протянул Петя.

– Для начала давай снимем доски с окон – вот здесь, здесь

и вот здесь...

Петя подошел и стал неловко отдирать старые, гнилые доски, которыми были заколочены оконные проемы. Я оценила зону просмотра: на самом удобном окне сохранилось старое, грязное стекло.

– Та-ак, – распорядилась я. – Стекло мы аккуратно вытащим... осторожно, не порежесь!

Петя, так и оставаясь в полном недоумении, сосредоточенно работал: отрывал доски, вытаскивал стекла, составляя все ненужное около стены. А я исподволь наблюдала.

«Совсем ребенок! – решила я. – Все закономерно: единственный сын нервной и от этого до срока постаревшей матери. Такие мамы оберегают своих детей от малейших усилий с самого детства – до тех пор, пока сами не сойдут в мо-

гилу».

– Ты почему матери такое письмо написал, Петя? Что это значит: «...я умру, если останусь здесь», а?

Петя замер.

– Я понимаю: здесь тяжело. – Я вытащила из пакета полевой бинокль. – Так в армии всем тяжело. – Я приложила бинокль к глазам. – М-м-м... где здесь караулка? Ага. Вот она... Вон Щукин скоро и вовсе срок получит – как думаешь, сколько ему дадут? Что молчишь? Лет семь, думаешь, дадут?

– Могут, – проглотил слюну Петя.

– Вот и я говорю: могут. Черт! Где здесь пути?! Скачков, где подъездные пути?

– Левее. Вы не туда смотрите. Левее караулки.

– Ага. Нашла... А ты знаешь, что Щукин своей маме написал?

– Что?

– Он написал... Так, вагоны – на месте, машины – на стоянке... Так вот, он написал: «Я, дорогая мама, завербовался в Грецию в охрану посольства, – вдохновенно врала я. – Так что ты не беспокойся, там тепло и денег много платят»... А ему на нарах вместе с бандитами сидеть...

Скачков разрыдался.

Я еще раз внимательно осмотрела склады. Картина получилась интересная: вагоны загружали полным ходом, а вот машины стояли без движения – с самого утра. Испугался

прапорщик, крепко испугался... если верить подполковнику Грише.

Скачков постепенно успокаивался. Я поставила бинокль на подоконник и повернулась к нему лицом.

– Они, – всхлипывал Скачков, – они мне сказали: или деньги, или мы тебя трахнем! А если стукнешь, вообще убьем!

– Кто?

– Хрущев и Шукин.

– Ну вот ты их и сдал. И ничего не случилось. Да и Шукин в часть уже не вернется. Кстати, Шукин часто пьет?

– А что? – насторожился боец.

– Я с ним вчера беседовала; говорит, что только после погрузки...

– Брешет, – мстительно вывел врага на чистую воду мальчишка. – Вон брат к нему приезжал, так они так наладились!

– И давно брат приезжал?

Скачков задумался.

– Ну, позавчера.

– Это когда Шукин Быкова избил?

– Да, – кивнул головой Скачков. – Он всегда, как нажрет-ся, к Быкову пристаёт. А вы кто? – догадался наконец спросить воин.

– Меня зовут Юлия Сергеевна, я – юрисконсульт Тарасовского комитета солдатских матерей.

– А-а... что вы здесь делаете?

– Тебя ищу, – нагло глядя ему в глаза, заявила я. – Как и вся ваша краснознаменная дивизия. «Ищут пожарные, ищет милиция»... – громко продекламировала я. – Знаешь такой стишок?

– Не-ет...

– Где вас воспитывали?

Я не ошиблась: Щукин мне приврал. Получалось, что он, признавшись комбату, что пропивал в этот раз гранаты, побоялся рассказать о банальном «самоходе» с братишкой. Скорее всего он просто не хотел втягивать в это дело родню. Я еще раз внимательно оглядела склады и заметила шевеление. Два человека в форме тащили длинный зеленый ящик. Я осмотрела округу и заметила целый штабель таких ящиков у одного из складов.

– Кто это, Петя? – спросила я и сунула воину бинокль.

Скачков взял бинокль и присмотрелся.

– Ящики перетаскивают. Из пятого склада в шестой.

– Я вижу, что ящики. Кажется, автоматные... а кто?

– Один – старшина Хрущев, – шмыгнул носом боец. – Он кладовщик.

– А чего это он после ужина работает? И как караул пропустил?

– Его не пропустишь! – разволновался Скачков. – Потом затромбит!

– Кто там с ним, Петя, постарайся разглядеть.

– А че там разглядывать! Ясно кто – Киса. Ну, Киселев.

Вот поставили еще один ящик, восьмой. Теперь дверь закрывают...

Это было интересно. Насколько я поняла из сегодняшних излияний подполковника Гриши, без ведома комиссии никто не имел права подходить к складам! До самого конца ревизии.

Я дождалась, пока солдаты не затащили все ящики внутрь, и хлопнула Петра по плечу.

– Ладно, на сегодня хватит. Пошли.

– Куда? – сразу ошетинился солдат.

– Ко мне, Петя, ко мне, – вздохнула я. – Как тебя в таком виде возвращать?

– В каком? – не понял солдат.

– До зеркала доберемся, сам увидишь.

Мы спустились по ржавым ступенькам вниз и в пять минут добрались до моей резервной «резиденции». Я сразу зашла к хозяйке и спросила разрешения истопить баньку. Возражений не последовало.

Бабуля объяснила, где что лежит, но выходить на улицу не стала. «Ты уж сама, дочка, управляйся...» Петя наколот дров и растопил печь. Я попросила у хозяйки мыла и пару полотенец и прибрала в баньке. Температура медленно, но верно поднималась.

– Ну что, боец, раздевайся, – распорядилась я. – И побыстрее, у меня сегодня еще дела.

Петр неуверенно снял гимнастерку, ветхую от нещадной

стирки майку и замер.

– Сам справишься? – спросила я и вдруг заметила на груди бойца расчески. – Так-так, а это что – вши?

Парень покраснел.

– Ну-ка, дай посмотрию. – Я подтащила его поближе к свету. Так и есть: расчески шли точно там, где это обычно бывает: на груди и под руками.

– В штаны можно не заглядывать, – констатировала я. – Там та же история, верно?

Скачков потупился.

– И станок ты, конечно, с собой в башню не взял?

Он покраснел еще гуще.

Напоминать ему о попытке свести счеты с жизнью было жестоко, но щадить бойца я не собиралась: будет впредь о матери думать, а не только о своей трусливой заднице. Я приподнялась на цыпочки и пошарила на полке – так и есть: в самом углу валялся старый станок со ржавым лезвием.

– Лезвие помыть, – приказала я. – Лобок и подмышки обрить.

Уши бойца достигли цвета молодой свеклы.

– А ты как думал – я тебя в свою кровать вместе со вшами положу? – окончательно добила его я, не став объяснять, что у меня есть и вторая кровать – в гостинице. «Как же так, Портос? – мысленно укорила я командира полка. – Чем у тебя в прачечной занимаются? Водку жрут?»

– Помоешься, белье не надевай, я его прокипячу.

– А как я... буду? – растерялся солдат.

– Простыней обернешься. Господи! Тебя ж еще и покормить надо!

Когда Петр поел, я уложила его в железную старухину кровать и села рядом. Расспросив его о службе, я подтвердила себе все, что и так уже поняла. Вагоны с оружием приходили и уходили регулярно: в Находку, Мурманск и Новороссийск – определенно на экспорт. Здесь обычное воровство было вообще исключено: конвой внутренних войск следил за грузом очень жестко, а списать зенитную установку – не то же самое, что пару ящичков гранат. Кроме того, с резервных складов пополнялись запасы пяти-шести близлежащих воинских частей – в основном после учений. В этом случае за боеприпасами приезжали на «Уралах», иногда – на «шестьдесят шестых». Списывали то, что время от времени воровали солдаты, скорее всего на учениях. Зачем Гром привлек меня к этой операции, я не понимала: здесь был бы полезен человек типа Юрия Ивановича из облфинотдела. Хотя кто сказал, что и он тоже не принимает участия в операции и не занимается сейчас как раз этим? А пока мне предстояло «разрабатывать» прапорщика своими средствами – приказ есть приказ.

Петр задергался в постели, застонал, забормотал что-то жалобно и просяще, и я под села рядом.

– Тише, тише, Петя, – прошептала я и положила на него руку.

– А-а, – сквозь сон радостно заговорил солдат. – Испугались, суки!

Я засмеялась, накинула кофту и пошла к выходу: мне нужно было сообщить, что рядовой Скачков нашелся, и сделать так, чтобы озабоченный побегом Портос не отменил назначенную на завтра охоту. Только водка и неформальная обстановка могли помочь мне подобраться к прапору вплотную.

На улице уже стемнело, и, пока я шла к штабу полка, меня обогнали пять или шесть рот солдат, во всю глотку орущих свои строевые песни.

«Са-агреваешь ла-асково, се-ера-я шинель!» – пели одни.

«Не плачь, дев-чо-он-ка, прой-дут дож-ди!» – пытались перекрычать их другие.

Вся моя жизнь была связана с армией еще с тех времен, когда живы были погибшие потом в Карабахе папа и мама, а мы кочевали из гарнизона в гарнизон, и я вдруг поняла, чего мне так остро не хватало в пропахшем пивом, сдобой и семечками, насквозь штатском Тарасове – мне не хватало армии...

Портос все еще был на работе: из кабинета командира полка один за другим вылетали красные, испуганные или разъяренные офицеры – поиски Скачкова были в полном разгаре.

– Товарищ подполковник, подождите! – крикнула я еще из коридора. – Не отправляйте никуда офицеров! Скачков

нашелся!

Офицеры замерли. Я вдруг подумала, что, если бы меня не было в части, Портос просто подал бы в розыск и спокойно лег спать.

– Я нашла Скачкова!

– Где?

– В поселке. Я там его у одной бабульки спать уложила, так что вы не волнуйтесь, завтра будет как штык.

– Петров! – заорал Портос. – Кроме патруля, всем отбой! Ну, заходите, Юлия Сергеевна, рассказывайте. – В приемную уже подтягивались взволнованные, довольные офицеры: всех искренне радовало, что эту ночь они проведут в постелях с женами, а не нарезая по окрестностям круги в составе поисковых групп. Но уйти не торопились.

Я прошла в кабинет, а Портос плотно закрыл дверь и напряженно уставился мне в лицо.

– Значит, так, товарищ подполковник, – начала я, – парнишка «на взводе». Напрягли его Щукин и Хрущев – на деньги.

– Вот мерзавцы! – вспыхнул Портос.

– Сказали: не принесет – «отпетушат», заложит – вообще убьют.

– Я им покажу, что такое «отпетушить»! – снова не выдержал командир полка. – А он-то сам почему терпел?

– Трусоват.

– Вот то-то и оно, – возмутился Портос. – «Стучать» им

вроде бы не по-мужски, а терпеть издевательства – значит, по-мужски. Ладно, поедem забирать?

– На губу? – настороженно поинтересовалась я.

– Ну почему – на губу? – видя мою недружелюбную реакцию, сдал назад Портос и все-таки не выдержал: – А куда его?! К мамке под юбку?!

– На завтрашнюю охоту возьмите, – предложила я.

Командир полка поперхнулся, вытаращил глаза и замер – с такой наглостью он еще не сталкивался.

– Как – на охоту?

– Вам ведь можно. А почему ему нельзя?

Портос совсем выпал в осадок от такого сравнения и только мотал головой в смысле «ни за что».

– Упустили вы с ним политико-воспитательный момент? Упустили. Не смогли...

– Постой-постой, – от неожиданности перешел на «ты» Портос. – Но не на охоту же его теперь! Ладно бы еще попросили взысканий не накладывать...

– По рукам! – я расторопно сунула свою ладошку Портосу и затрясла его огромную красную кисть. – Кстати, когда выезжаем?

Портос спохватился, глянул на часы и загорелся:

– Ух! Через четыре часа уже надо в машину садиться! Так, сейчас я Петрову скажу...

– Да... – ненароком поинтересовалась я, – этот ваш прапорщик – Зимин, кажется... он у вас неженатый?

Портос непонимающе уставился на меня. Мои глаза были чисты и невинны.

– Ну, так это... – ушел от ответа Портос. – Возьмем мы с собой Зимина.

Я уже собралась было уходить, но Портос был не из тех, кто откладывает дела на потом...

– Юлия Сергеевна, давайте Скачкова заберем.

– Прямо сейчас?

– А когда еще? Я и комбата сразу предупрежу, чтобы полегче с салагой...

«Обмен» состоялся, и через пять минут мы на скорости восемьдесят километров в час подъехали к домику на окраине.

Командир полка подошел к старухиной кровати с шишечками. Петя спал, уютно свернувшись калачиком под лоскутным бабкиным одеялом. Портос растерянно замер: проорать «рота, подъем!» среди всех этих ковриков, горшочков и салфеток было так же нелепо, как пропеть «Петюнчик, вставай» в казарме.

– Петр! – громко сказал командир. – Вставай.

Петя перевернулся на спину, сладко потянулся и открыл глаза: перед ним стояли командир полка и начальник штаба собственными персонами. Он зажмурился, открыл глаза снова, но «видения» не исчезали.

– Пора, Петр, – напомнил командир полка. – Служить.

Скачков сел в кровати, и некоторое время все молчали, а

я особенно остро поняла, какая пропасть их разделяет. Они не просто имели разные звания; казалось, они принадлежат разным кастам. Им даже нечего было друг другу сказать.

Петр опомнился первым:

– Теть Юль, можно я оденусь?

– Конечно, Петя, – кивнула я и вышла.

Через пятнадцать минут Скачкова передали в руки счастливого комбата, а меня проводили до гостиницы; в четыре утра в дверь номера постучали.

– Юлия Сергеевна! Пора!

Я вскочила, начала было натягивать футболку, когда из коридора снова раздался голос начальника штаба:

– Юлия Сергеевна, вы сразу по-походному одевайтесь, я тут принес.

Я приоткрыла дверь и выглянула: майор держал целую охапку обмундирования маскировочных цветов:

– Надевайте это, Юлия Сергеевна, будет холодно.

Вскоре я, разодетая, как боец из спецназа, уже сидела между мужчинами на заднем сиденье «УАЗа». Мне было по-настоящему хорошо. В казарме спал переданный в надежные комбатовские руки Петр Скачков, а в машине, едущей сзади, трясся и второй мой подопечный – по линии борьбы с хищениями и торговлей оружием – прапорщик Зимин. Машина бодро скакала по кочкам разбитой проселочной дороги, и я, положив голову на богатырское плечо Портоса, сладко уснула.

Время от времени машина останавливалась: то у егерской избушки, то у развилки дорог. Мужики выходили, хлопали дверями, шепотом матерясь, когда не могли договориться, по какой грунтовке ехать. Но я не хотела открывать глаз: так тепло, легко и надежно мне не было с тех самых пор, как папа приводил меня пяти-семилетнюю в свою часть. Солдаты – русские и узбеки, чеченцы и таджики – все хотели прикоснуться ко мне, погладить по голове, исполнить любое желание, потому что, как я теперь понимаю, маленькая девочка напоминала им о самом дорогом, самом теплом, что у них было, – о доме.

– Приехали! – весело заглянул в машину начальник штаба. – Выходите, а то самое интересное пропустите!

Я вылезла и потянулась, чувствуя, как поет и радуется отдохнувшее тело. Солнце еще только коснулось самых вершин огромных, в два обхвата, деревьев, и свежий воздух источал совершенно роскошные запахи... Командир полка украдкой растирал занемевшее плечо.

Офицеры, с удовольствием пощелкав затворами, занялись костром, и я улыбнулась: охота на глазах превращалась в чудный отдых на природе – с шашлычком, балычком и водочкой.

Честно говоря, я не любила стрелять. Может быть, потому, что мне, в отличие от большинства этих сильных, уверенных в себе мужчин, доводилось убивать людей, я не получала удовольствия от того, что живое существо падает, тыкаясь

головой в землю, и дергает конечностями, истекая кровью.

Время шло. Солнце поднялось. Зверь, понятное дело, учуяв запах дыма, перебрался в менее опасные места, и охотники, съев почти все взятое с собой мясо, выпив с ящик водки и поменяв третью или четвертую стоянку, устроили палатку по пивным банкам. Я подседа к прапорщику Зимину. Он опустил голову и печально улыбнулся.

– Слушай, прапорщик, а ведь у меня к тебе дело.

– Говорите.

– «Сделай» мне оружие.

– Да? И сколько вам нужно? – Взгляд Зимина похолодел и остановился.

– Два десятка автоматов, пару гранатометов, ну и боеприпас...

– А ракетную установку «Ураган» вам не «сделать»? – издевательски хмыкнул прапорщик.

– Только не говори, что ты не можешь. Я в Калининграде тыщу раз видела, как это делается.

– Вот и брали бы в Калининграде.

– Те времена прошли. Что могла, то взяла.

– А если я вас сдам? Прямо сейчас?

– Не свисти, прапор. Лучше подумай, а то ведь время и здесь может кончиться...

Зимин промолчал.

– Покупатель у меня есть. Деньги предлагает хорошие – восемь штук баксов. Ты подумай.

Лицо Зимина напряглось, а глаза забегали по сторонам. Цена получалась процентов на тридцать выше рыночной.

– Мои проценты – отдельно, – продолжала я. – Сюда не входят. Все деньги твои будут.

Прапорщик напряженно думал, и это было хорошо – «разработка» худо-бедно, но пошла.

– А не сделаешь ты, другой сделает. Из Калининграда ведь тоже не все нормально выехали: в свою квартиру и на свои бабки, – я усмехнулась. – Как я. Кто-то ведь до сих пор локти кусает, что вовремя свое не взял.

– Я такими делами не занимаюсь, – твердо сказал Зимин. – Разговор окончен.

Да, разговор был окончен. В принципе, этого и следовало ожидать.

Солнце пошло вниз, и офицеры начали сборы – пора было возвращаться.

В часть мы вернулись уже в сумерках. Второй «уазик» с моим завскладом свернул куда-то вбок на самом въезде в поселок: офицеров сразу же развозили по домам. Я попросила остановиться у КПП – хотелось прогуляться. Машина отъехала, и я пошла по прямой, обсаженной гигантскими тополями аллее.

– Теть Юль! – услышала я на подходе к гостинице.

Я обернулась; ко мне со всех ног бежал Петя Скачков.

– Я у вас военный билет забыл! – радостно сообщил рядовой. – И записную книжку.

Точно. Вчера мой подопечный схватил выстиранную и отглаженную мной одежду да так и выскочил вслед за командиром полка, оставив свои бумаги на тумбочке у кровати.

Мне, честно говоря, не хотелось прощаться с этим великолепным днем, и я с радостью ухватилась за мысль прогуляться еще чуть-чуть.

– А как посмотрит начальство?

– Комбат разрешил! – кивнул в сторону штаба полка Петя.

Я пригляделась: у штаба в группе офицеров стоял Петькин комбат. Он кивнул и негромко напомнил своему подчиненному:

– Чтобы на вечерней поверке был как штык!

– Есть, товарищ капитан! Я быстро! – просиял Скачков.

– И помни, что я тебе сказал.

До поверки оставались считанные минуты.

– Ну что ж, пойдём, кавалер. – И мы пошли мимо изумленных рот, как раз сейчас выходявших строиться на вечернюю прогулку. Зрелище было действительно захватывающим: фигуристая длинноволосая женщина в маскировочном обмундировании и лихо заломленном берете и под руку с ней бледный, истощенный, но сияющий от удовольствия «салабон».

– Я понял, тетя Юля, – потрясенный какими-то своими внутренними озарениями щебетал Петя. – Я все понял! Вы меня слышите?

– Да, Петя, слышу.

– Я понял, что страх еще хуже боли, – как-то неожиданно серьезно утвердил свою мысль Петя.

Мы прошли в обрисованную мне Щукиным дырку в заборе.

– Да что ты?

– Да. Это точно.

– Надо же...

Мы вышли в тихую улочку, ведущую к магазину с самой дешевой водкой в округе.

– Я и раньше понимал, что бывает жизнь – не лучше смерти.

– Хм-м, бывает, наверное... Ну-ка, подожди...

Слева мелькнула темная мужская фигура. Как-то странно он был скособочен, так бывает, если держать правую руку...

– В сторону! – скомандовала я, но Скачков судорожно вцепился мне в рукав:

– Не-ет! Тетя Юля! Наза-ад!

– В сторону! – Мне нужно было переместиться влево.

Он уже начал целиться...

Я стряхнула бойца и одновременно рванулась вперед – на перехват.

– Не-ет! – заорал Петр и кинулся между нами.

«Тых!» – стукнуло у меня в ушах, и Петя, судорожно вскинув руки, повалился на землю. Я присела, затем, сделав резкий бросок, в падении подсекла стрелявшего, и, пока он, растопырив руки, приземлялся, я уже была на ногах над ним.

– Лежать! – четко скомандовала я, выбила пистолет и за-
вернула его руку к затылку – так, что послышался хруст.

– Кто послал?

– М-ы-и-и! – завыл парень и отключился.

Я перевернула его на спину, выдернула из брюк ремень,
снова – на живот, плотно стянула руки на уровне локтей, за
волосы оторвала голову от земли, приподняла веко: болевой
шок – похоже, я вывернула ему плечевой сустав.

Я стремительно переместилась к Пете: он лежал на боку,
мелко дергая головой и царапая землю скрюченными паль-
цами.

– Петя! – заорала я. – Подожди! – Он уже «уходил». –
Господи! Петя! Ну подожди же! Подожди!

Петр дернулся и затих.

– О го-оспо-оди! – Я осела на землю и почувствовала, как
растет и распирает грудь жуткий ледяной ком горя – как то-
гда, с папой. Я снова ничего не могла – ни остановить, ни
изменить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.